

Научная статья
УДК 122/129+316.77
DOI: 10.15372/PNE20210407

Интерсубъективность как субстанциональная основа социальной коммуникации

Петров Михаил Александрович¹, Голдаева Анна Викторовна²

^{1,2}Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹mipet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7078-4865>

²gvann_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9510-685X>

Аннотация. *Введение.* В ситуации межсубъектного взаимодействия индивиды погружаются в разветвленное поле оценки себя, других, себя другими и других самими собой как фактора, влияющего на специфику коммуникации и сценарий выполнения коммуникативных задач. Общность смыслов, развивающихся в среде отношений «Я-Другой», детерминирует поливариантные аспекты социальной интеракции, что возводит интерсубъективность в степень фундаментальной характеристики межсубъективного взаимодействия. Цели настоящей работы – выявление интерсубъективных структур в механизме организации социальной коммуникации и рассмотрение их роли в этом процессе. *Методология.* Объектом исследования выступает интерсубъективный аспект социальной коммуникации, а предметом исследования является процесс его экспликации во взаимодействии индивидов. Ключевой методологический ориентир настоящей работы представляют методы социально-философского анализа концепций основоположника феномена интерсубъективности Э. Гуссерля и современного западного исследователя К. Лерера. *Обсуждение.* В ходе исследования эксплицируется вопрос о роли и функциональном значении интерсубъективности в межсубъектном взаимодействии. Охарактеризована общая модель реализации социальной интеракции в практической плоскости и выявлено, что ее основания восходят к интерсубъективным структурам. Показано, что основами социальной интеракции выступают доверие и консенсус, позволяющие индивидам по мере развития и углубления их связей обогащать первично наличествующее знание друг о друге, исходящее из личных оценочных установок, и трансформировать поведенческие стратегии. Эти теоретические заключения очерчивают модель реализации субъект-субъектного взаимодействия в современном образовательном процессе и значимы для его изучения. *Заключение.* Наличие интерсубъективных структур в механизме организации социальной коммуникации обеспечивает конституирование общих смыслов сознаниями субъектов в среде отношений «Я-Другой», в отсутствии которых невозможна реализация межсубъектного сообщения, что означает невозможность процесса социального взаимодействия.

Ключевые слова: интерсубъективность, социальное взаимодействие, социальная коммуникация, процесс познания, отношения «Я-Другой», понимание, оценочные данные, благонадежность, доверие и консенсус

Для цитирования: Петров М. А., Голдаева А. В. Интерсубъективность как субстанциональная основа социальной коммуникации // Философия образования. 2021. Т. 21, № 4. С. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20210407>

Scientific paper

Intersubjectivity as a substantive basis of social communication

Mikhail A. Petrov¹, Anna V. Goldaeva²

^{1,2}Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹mipet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7078-4865>

²gvann_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9510-685X>

Abstract. *Introduction.* In a situation of intersubjective interaction, individuals are immersed in a ramified field of evaluation of self, others, themselves by others, and others by themselves as a factor influencing the specificity of communication and the scenario of communicative tasks. The shared meanings that develop in the milieu of the I-other determines the polyvalent aspects of social interaction, and this makes intersubjectivity a fundamental characteristic of intersubjective interaction. The aim of this work is to identify intersubjective structures in the mechanism of social communication and to consider their role in this process. *Methodology.* The object of the study is the intersubjective aspect of social communication, and the subject of the study is the process of its explication in the interaction of individuals. The key methodological point of this work is the methods of socio-philosophical analysis of the concepts of E. Husserl, the founder of the problematic covered in the article, and the modern Western researcher K. Lehrer. *Discussion.* The question of the role and functional significance of intersubjectivity in intersubjective interaction is explicated throughout the study. The general model of social interaction on a practical level is characterized, and it is found that its foundations go back to intersubjective structures. The bases of social interaction are trust and consensus that allow individuals to enrich primary knowledge about each other that comes from personal values and transform behavioral strategies with the development and deepening of their relations. These theoretical findings outline a model for realizing subject-subject interaction in the contemporary educational process and are relevant for studying it. *Conclusion.* The presence of intersubjective structures in the mechanism of organization of social communication ensures the constitution of common meanings by the consciousnesses of subjects in the environment of I-other relations, in the absence of which it is impossible to realize intersubjective communication, which means that the process of social interaction is also impossible.

Keywords: intersubjectivity, social interaction, social communication, cognitive process, I-Other relationship, understanding, evaluative data, trustworthiness, trust and consensus

For citation: Petrov M. A., Goldaeva A. V. Intersubjectivity as a substantial basis of social communication. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20210407>

Введение. Рассматривая вопрос об устройстве общественного бытия с позиции социальной онтологии, можно говорить о двух моделях его устройства: субстанциональной и интерсубъективной [1, с. 51]. С точки

зрения субстанциональной модели индивид и характерная для него автономность вторичны по отношению к макромиру, в котором протекает его жизнедеятельность, – социальной реальности. Иное прочтение проблемы корреляции индивида с социальной реальностью, в свою очередь, предлагает интересубъективная модель бытия, в которой социальная реальность представляется как продукт деятельности самих индивидов. Это позволяет выйти на тот уровень интерпретации индивида, исходя из которого он трактуется уже не как некий конструкт, характеристики которого обусловлены спецификой детерминировавшей его окружающей среды, но понимается как полноправный субъект с присущей ему свободной активностью, многомерно задействованной в формировании социально-исторического процесса. Тогда «такие категории, как “интерсубъективность”, “интерактивность”, “интертекстуальность”, “коммуникативность”, описывают сущностные особенности понимания социальной реальности в интересубъективной концепции, рассматривающей общественное бытие сквозь призму понятия «бытие-становление» [1, с. 51].

Помимо того, в контексте современного научного осмысления существенно усиливается и значимость интересубъективной позиции личности ввиду того, что она помогает по-новому осмысливать себя и мир в ходе собственного самоизменения и вместе с тем в интеракции с другими людьми [2, с. 48]. Необходимо заметить, что «человек есть суть формирования содержания той социокультурной реальности, в которой он пребывает» [3, с. 153], поэтому система нашего дальнейшего рассуждения будет осуществляться в плоскости интересубъективного подхода к пониманию устройства бытия, избранного в качестве первичной методологической установки. В контексте этого подхода пространство социального взаимодействия представимо как пласт объективированного смысла, формируемого паттернами, транслируемыми в общности Я с Другими посредством социальной коммуникации. В свою очередь, выявление интересубъективных аспектов социальной коммуникации представляет особую актуальность для исследования механизмов развития межсубъектной интеракции, особенно в ситуации формирования современного социогуманитарного знания, в свете которого происходит смещение акцента с моносубъектности к коммуникации через диалог и интересубъективность [2, с. 47].

Методология. Методологическую основу исследования формирует концептуальный анализ, позволяющий проследить специфику рассмотрения проблем интересубъективности и диалога от истоков их обозначения в феноменологической традиции до актуальной степени изученности в работах зарубежных и отечественных авторов. Ключевой методологический ориентир настоящей работы представляют методы социально-философского анализа концепций основоположника освещаемой в статье проблематики Э. Гуссерля [4] и современного западного исследователя К. Лерера [5],

теоретические заключения которых, приведенные в обобщенном и структуриализованном виде, позволяют сначала вскрыть пласт самой философской проблемы интерсубъективности, а впоследствии в соответствии со спецификой нашего исследования вывести его рассмотрение в социальную плоскость. Кроме того, теоретико-философскую базу настоящей работы дополняют и в отдельных аспектах детализируют научные труды многих отечественных исследователей, в частности Д. М. Соколовой [1], О. Е. Буровой [2], Н. М. Смирновой [6], В. П. Филатова [7].

Обсуждение. Проблема интерсубъективности выстраивается вокруг общефилософского аспекта проблемы Я и не-Я, известной как проблема «чужих сознаний», «своего» и «чужого» [6, с. 42]. Уже на первых этапах исследования этого вопроса возникает значительная трудность: как возможно познание Другого с его специфической идентичностью, если Я постоянно находится в сфере своего трансцендентального опыта, не имея возможностей выхода за его границы? Будет ли в таких условиях Другой, эксплицированный из структур нашего сознания действительно Другим или предстанет конструкцией, искаженной субъективностью нашего Я? Подобные сомнения небезосновательны, так как сфера индивидуального Я сопряжена с ограниченностью рамками собственной данности, в связи с чем не исключается, что в попытках конструирования и описания образа Другого Я будет возвращаться лишь к самому себе.

Сложность рассмотрения «Другого» обусловлена «многослойностью» его понимания [8, с. 105]. Вопреки серьезным аргументам, выдвинутым в противовес его теории, которую критики упрекали в трансцендентальном солипсизме, Э. Гуссерль ставит перед собой задачу: «Мы должны все же сделать для себя доступной ту эксплицитную и имплицитную интенциональность, в которой на почве нашего трансцендентального Его объявляет о себе и подтверждает себя alter ego; как, в каких интенциональностях, в каких синтезах, в каких мотивациях смысл другого Его образуется во мне и под названием согласованного опыта чужого удостоверяет себя как сущее и даже как то, что само здесь подтверждает себя своим [специфическим] образом» [4, с. 118]. Так как мы не имеем возможности непосредственно наблюдать ментальные состояния «другого Я», знание о них может трактоваться только как получаемое в результате тех или иных мыслительных процедур [7, с. 13]. Итак, для того, чтобы определить, каким образом Другой дан моему Я не просто как природная вещь, но, с одной стороны, в качестве объекта этого мира, а с другой – как субъект, обладающий психофизической деятельностью, идентичной моей, но при этом имеющий суть Другого, философ прибегает к методу редукции. Необходимая для вычленения в структурах Я Другого, избранная в качестве методологического приема редукция реализуется в несколько этапов, обобщенная суть которых может быть выражена следующим образом: во-первых, осуществляется

исключение чужой субъективности во мне для идентификации чистого образа Я вне наслоения опыта и специфики Чужого; во-вторых, определяются границы, свойственные моему Я, посредством абстрагирования от чужой духовности; в-третьих, открывается сфера смыслов, находящаяся за гранью моего монадического Его, которая конституируется мной как AlterEgo, при этом «Другой, согласно смыслу своего конституирования, отсылает ко мне самому, другой есть отражение меня самого; и все же не отражение в собственном смысле; он – аналог меня самого, и опять же не аналог в обычном смысле» [4, с. 122].

Структурируя дальнейшее размышление Э. Гуссерля, можно сформулировать следующие тезисы.

1. Мотивация для постижения Другого исходит из обнаружения подобия моей сферы телесности с Его (механизм аналогизирующей апперцепции, главная функция которой состоит в аналоговой проекции смысла собственного Я на чужую телесность [6, с. 45]).

2. Для структур обработки эмпирических данных субъектами характерна однородность, поэтому как Я конституирует Другого в качестве Чужого, так и Другой конституирует мое Я как Чужое.

3. Я не может вычленить Другого только из своего Я, так как в этих условиях обнаруженные смыслы Другого являлись бы представлениями Я о Других, но не суть именно Другими. Сама способность Я осознать иное, то, что не является им самим, предполагает, что не все, свойственные ему модусы сознания, относимы к тем, что составляют модусы его самосознания [4, с. 135].

4. В своей данности Я изначально мыслит соприсутствие себя с Другими, исходя из чего представление о мире может быть сформировано через гармонию монад Я и Чужого.

Мир, согласно Э. Гуссерлю, есть поле совокупности объективированных смыслов, надстроенных над первичной данностью моего Я и Другого, таким образом, он предстает «как идеальный коррелят интересубъективного и в принципе постоянно и согласованно осуществляемого и осуществленного опыта, ставшего интересубъективно общим, сущностно связан с интересубъективностью, которая сама конституирована – в идеале – как бесконечная открытость, с интересубъективностью, отдельные субъекты которой оснащены системами конституирования, соответствующими друг другу и согласующимися друг с другом» [4, с. 139]. Интересубъективность неотделима от социальной сферы, так как, по справедливому замечанию В. В. Попова, «возникает тогда, когда имеется наличная общность различных субъектов, представляющая синтез их индивидуальных характеристик с выходом на универсальные параметры социальной группы» [9, с. 302]. Общность различных субъектов, обладающих индивидуальной спецификой, возникает именно в процессе социальной коммуникации, посредством

которой осуществляется «обмен опытом интерсубъективности» в виду того, что цель коммуникации не ограничивается передачей информации и подразумевает трансляцию социальных значений [10, с. 36]. В этих условиях «коммуникативная рациональность является двигателем культуры и общественной жизни, ее основой служит интерсубъективная взаимосвязь, которая устанавливается субъектами, обладающими языковой культурой и компетентностью к осуществлению действия в совместном разговоре» [11, с. 172].

Но каковы механизмы реализации интерсубъективного мира в плоскости социальной коммуникации, в чем состоят те смыслы, транслируемые нами друг другу в паре «Я-Другой», и каким образом они влияют на интеракцию в этой паре? Мы приходим к тому, чтобы «коммуникативная интерсубъективная практика, укорененная в жизненном мире человека информационного общества, выступила основанием рефлексии» [12, с. 28]. Соглашаясь с теоретическими заключениями современного западного исследователя К. Лерера, отметим, что поле межсубъектного взаимодействия состоит из пласта оценочных данных, включающих оценку себя, других, себя другими и других самими собой. В свою очередь, значения этих оценочных данных формируют ту или иную степень доверия между индивидами как базисную компоненту социальной интеракции в целом и в плоскости ее реализации внутри конкретно взятых социальных групп. Но, отмечает К. Лерер, «трудно понять, как найти в этих оценках благонадежности друг друга соответствующую меру благонадежности каждого из нас, поскольку мы заключены в петле наших взаимных оценок друг друга» [5, с. 128]. Проблема разграничения своей и чужой благонадежности внутри разветвленного поля оценочных мнений множества субъектов отсылает все к той же проблеме вычленения и идентификации смыслов Я и Другого в среде объективированного мира, формируемого их смысловой общностью, которой, как мы отмечали выше, озадачивался и Э. Гуссерль. Действительно, интерсубъективный аспект, с учетом факторов которого мы рассматриваем социальную реальность, с одной стороны, «высветляет» саму психофизическую общность субъектов, но с другой – ввиду слияния смыслов Я и Другого «оттеняет» области их индивидуальной специфичности в социальной реализации.

Пожалуй, единственным способом выхода из этой философской трудности на данный момент представляется позиция принятия нашей субъективности, в истинности которой мы не можем сомневаться. Эту позицию К. Лерер представляет в виде формулы: «Я заслуживаю доверия для себя в том, как я придаю вес своему “я” и другим. Я заслуживаю доверия в том, чтобы изменить то, что я принимаю и предпочитаю, как следствие веса, который я придаю себе и другим» [5, с. 129]. Для эффективно-го выполнения коммуникативных задач значимая роль отводится доверию

и консенсусу, которые позволяют индивидам по мере развития и углубления их связей обогащать первично наличествующее знание друг о друге, исходящее из личных оценочных установок, и трансформировать поведенческие стратегии. При этом «знание (процесс познания) по самой своей сути некумулятивно, неаддитивно. Рост знания не совпадает с приростом информации» [13, с. 152]. Обогащение первичного знания о Другом становится возможным ввиду того, что «когнитивная деятельность человека является основной и осуществляется в рамках определенной когнитивной среды, понимаемой как изменяющийся набор условий и обстоятельств для трансформации когнитивного субъекта, увеличение и расширение мира до когнитивно возможного мира» [14, с. 2917]. То есть формируемое субъектами общее когнитивное поле открывает потенциал к объединению и аккумуляции их индивидуальных смысловых данностей, в процессе чего каждый из познающих субъектов приближается к постижению смысловой реальности Другого вследствие того, что его личное когнитивное пространство обретает в таких условиях возможность расширяться до включения некоторых аспектов иной субъективности. На самом деле для достижения связности между индивидами в конкретной социальной общности от одного актора социального действия не требуется придавать большой позитивный вес многим ее членам, так как при условии правильности модели положительных весов, нет необходимости ни в чем большем, чем каждому человеку придать положительный вес хотя бы одному другому [5, с. 137]. Таким образом, все или большинство участников коммуникации окажутся взаимосвязанными в пространстве оценочного поля.

Действительно также и то, что имеются случаи, когда функционирование связности приостанавливается, например, в условиях конфликта в социальной группе, вызванного тем, что некоторый член группы не получает положительных оценок и сам не оказывает таковых никому другому. Два взаимодействующих субъекта могут относиться с разной степенью уважения друг к другу, но им необходимо разрешить свои разногласия, и в данных условиях «связность в сочетании с постоянством гарантирует приближение к консенсусу, в чем усматривается причина для того, чтобы стремиться к ее достижению» [5, с. 137]. Конфликт может быть разрешен, если каждый его участник придаст другому хоть какой-то положительный вес, больший нулевой отметки, для чего не нужно идти навстречу другому на полпути, как бы отказываясь от веса своих субъективных оценок: чтобы достичь соглашения, необходимо лишь пройти часть пути и продолжать процесс объединения с другими [5, с. 140]. Несомненно, что «правило наилучшего аргумента, которое делает возможным дискурс, определяет направленность коммуникации и придает ей ценностно-рациональные свойства» [15, с. 104].

Но, как далее замечает К. Лерер, в некоторых ситуациях и такой сценарий развития коммуникативного поведения индивида, как его отказ от участия в группе путем придания каждому другому члену группы нулевого веса может носить рациональный характер, например, во избежание кооптации или доминирования в результате стратегий других. При этом отмечается, что «важная роль возможности отказаться от участия может заключаться в контроле стратегических весов с помощью постоянной угрозы разложения» [5, с.143]. Тогда ценой консенсуса для вышедшего из взаимодействия участника выступает честный вес уважения к предпочтениям других и им принимается та модель усредненного поля оценочных данных, которая формируется вне его личных оценок.

Возвращаясь к самой проблеме интересубъективности, отметим, что она «заключается не столько в возможности понимания сознания одного другим, сколько в интенсивности этого понимания» [16, с. 64]. Таким образом, «познание приобретает характер осмысленного общения человека с миром именно в сфере человеческого бытия, то есть в контексте жизнедеятельности субъекта» [14, с. 2912]. Именно для того, чтобы усилить интенсивность социального понимания, ядром которого является способность человека понимать ментальные состояния других людей [17, с. 6], необходимо, как отмечалось выше, в процессе эксплицирования образа Другого сначала вывести размышление в плоскость чистых смыслов сознания, в которых была бы строго проведена демаркация опытов Я и Другого. Уже на последующих этапах редукции «тематизация сферы обращенности “Я” к “Другому” приводит к экспликации интересубъективности в качестве фундаментального горизонта полагания любого смысла, к экспликации интересубъективной природы самого “Я”» [18, с. 26]. Тогда мир представляется через гармонию монад Я и Других, сосуществующих в социальной реальности и одновременно проектирующих ее посредством поливариантной сети социальных взаимодействий и взаимоотношений. В таком мире «диалог играет роль коррелята между различными социальными и культурными институтами, выполняет функцию связующего звена между человеком и вещами, человеком и духовными сущностями и создает каркас для последующего взаимодействия индивида с бытием» [19, с. 45]. Справедливо, что «диалогичное отношение Я к Другому является реальным пространством, неотъемлемой частью, одной из бесчисленных движущих сил становления продуктивных человеческих общностей» [20, с. 410].

Заключение. Я и Другой, осознавая сходство в основах функционирования своих психофизических реальностей, коррелируют в рамках свойства «инаковости» по отношению друг к другу ввиду постоянно сопутствующего этому отношению пласта смысловых данных, сохраняющихся за каждым из субъектов в индивидуальности. Сообщение в межсубъектной интеракции инструментально осуществляется посредством коммуникативного процес-

са, и сама возможность его реализации базируется на наличии усредненных и объективированных смыслов – общих точек в поле пересечения специфически личностных аспектов восприятия и анализа социальной реальности и шире – окружающего пространства. Отсюда прослеживается раскрытие модели социального мира как сферы общих и усредненных значений в области ее непосредственной практической реализации. Интерсубъективные структуры социального сообщения восходят к факторам взаимных оценок себя, других, себя другими и других самими собой, что оказывает влияние на формирующуюся в той или иной социальной группе систему степеней доверия между взаимодействующими в ней агентами, и отсюда ими опосредуется выбор коммуникативных стратегий, а также сценариев поведения. Индивиды нивелируют расхождение своих субъективных данностей посредством общей установки на поиск консенсуса, в потенциале обуславливающей достижение понимания между ними. В отсутствии социального понимания коммуникативный процесс утратил бы свою роль в реальности Я и Других в виду невозможности достижения ими совместных коммуникативных задач. В связи с этим именно интерсубъективность как рождающее начало общности смыслов, транслируемых субъектами друг другу, фундирует функционал социальной коммуникации, выступая тем самым ее субстанциональной основой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Соколова Д. М.** Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 3 (23). С. 50–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24709685>
2. **Бурова О. Е.** Философские подходы к определению сущности интерсубъективной позиции // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 47–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27632177>
3. **Петров М. А., Голдаева А. В.** Образовательный процесс в контексте социально-информационной реальности // Философия образования. 2021. Т. 21. № 2. С. 140–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46271592>
4. **Гуссерль Э.** Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академ. проект, 2010. 229 с.
5. **Lehrer K.** Self-trust. A Study of Reason, Knowledge and Autonomy. Oxford: Oxford University Press, 1997. 204 p.
6. **Смирнова Н. М.** Я и Другой: скользящая граница в феноменологии интерсубъективности // Методологические вопросы. 2019. № 2 (35). С. 40–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39478122>
7. **Филатов В. П.** Существует ли интерсубъективность на уровне восприятия? // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1 (15). С. 12–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=4111263>
8. **Алебастрова А. А.** Символы «Другого» в личностных измерениях интерсубъективности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 104–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22841412>

9. **Попов В. В.** Феномен интерсубъективности в «Принимающем» обществе // Социология. 2020. № 4. С. 302–306. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43989358>
10. **Зайцев И. Д.** Интерсубъективность как проблема социальной философии: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2008. 41 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15868122>
11. **Тетюев Л. И.** Философия языка Юргена Хабермаса: рациональная теория универсальной прагматики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175>
12. **Миннуллина Э. Б.** Коммуникативные основания социально-философской рефлексии // Дискуссия. 2014. № 3 (44). С. 27–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21311526>
13. **Минеев В. В., Петров М. А.** К вопросу о цели курса философии: единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 151–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17952625>
14. **Петров М. А.** Проблема субъектов в глобальном образовании: особенности взаимоотношений в контексте новейших информационных технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2909–2919. DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20190303>
15. **Назарова В. С.** Трансформация понятия «Жизненный мир» субъекта в парадигме интерсубъективизма // Манускрипт. 2018. Т. 1, № 11 (97). С. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.21>
16. **Назаренко А. П.** Эмоции и тело: возможность образования единства Мы-отношений // Социология власти. 2017. Т. 29, № 3. С. 59–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32679216>
17. **Филатов В. П.** Социальное понимание и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057453>
18. **Эннс И. А.** Проблема интерсубъективности: основания и способы тематизации: автореф. ... канд. филос. наук. Томск, 2003. 29 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16010087>
19. **Корягина Т. О.** К философской концепции диалога (от М. Бубера к В. С. Библеру) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 1. С. 45–53. DOI: [10.18101/1994-0866-2019-1-45-53](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-1-45-53)
20. **Старовойтенко Е. Б.** Продуктивность диалогического отношения Я-Другой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 3. С. 408–432. DOI: [10.17323/1813-8918-2017-3-408-432](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-408-432)

REFERENCES

1. Sokolova D. M. Virtual intersubjectivity: the social and existential aspects of the analysis. *Perm University Herald, Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2015, no. 3 (23), pp. 50–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24709685> (In Russian)
2. Burova O. E. Philosophical Approaches to Define the Essence of the Intersubject Viewpoint. *Yaroslav Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 6, pp. 47–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27632177> (In Russian)
3. Petrov M. A., Goldaeva A. V. Educational process in the context of social and information reality. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 140–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46271592> (In Russian)
4. Husserl E. *Cartesian Meditations*. Moscow: Academ. Project Publ., 2010, 229 p. (In Russian)
5. Lehrer K. *Self-trust. A Study of Reason, Knowledge and Autonomy*. Oxford: Oxford University Press, 1997, 204 p.
6. Smirnova N. M. Self and Other: Sliding Boundary in Phenomenology of Intersubjectivity. *Methodological Issues*, 2019, no. 2 (35), pp. 40–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39478122> (In Russian)

7. Filatov V. P. Is there intersubjectivity at a perceptual level? *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 2019, no. 1, pp. 12–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41111263> (In Russian)
8. Alebastrova A. A. Symbols of “the other” in personal measurements of an intersubjectivnost. *Bulletin of the South Ural State University Series: Humanities and social sciences*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 104–109 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22841412> (In Russian)
9. Popov V. V. The phenomenon of intersubjectivity in the “host” society. *Sociology*, 2020, no. 4, pp. 302–306. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43989358> (In Russian)
10. Zajtsev I. D. *Intersubjectivity as a problem in social philosophy: author’s abstract of diss. ...* Candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 2008, 41 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15868122> (In Russian)
11. Tetyuev L. I. Language-philosophy of Jurgen Habermas: Rational Theory of Universal Pragmatics. *Bulletin of Saratov University (N. S.). Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175> (In Russian)
12. Minnullina E. B. Communicative Substantiations of Socio-Philosophical Reflection. *Diskussion*, 2014, no. 3 (44), pp. 27–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21311526> (In Russian)
13. Mineev V. V., Petrov M. A. The matter on philosophy course objectives: unity of theoretically-methodological and methodically-practical aspects. *Bulletin of Volgograd State University, Series 7: Philosophy. Sociology and social technology*, 2012, no. 2 (17), pp. 151–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17952625> (In Russian)
14. Petrov M. A. Challenge for individuals with global educational offers: properties of relations in the context of latest information technologies. *Professional Education in the Modern World*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2909–2919. DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20190303> (In Russian)
15. Nazarova V. S. Transformation of the Notion of Subject’s “Lifeworld” in the Intersubjectivism Paradigm. *Manuscript*, 2018, vol. 1, no. 11 (97), pp. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.21> (In Russian)
16. Nazarenko A. P. Emotions and body: the possibility of creating of we-relationship unity. *Sociology of Power*, 2017, vol. 29, no. 3, pp. 59–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32679216> (In Russian)
17. Filatov V. P. Social Understanding and the Problem of “Other Mind”. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 4, pp. 6–22 DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057453> (In Russian)
18. Enns I. A. *The problem of intersubjectivity: foundations and ways of thematization: author’s abstract of diss. ...* Candidate of Philosophical Sciences. Tomsk, 2003, 29 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16010087> (In Russian)
19. Koryagina T. O. Towards the philosophical concept of dialogue (from Martin Buber to Vladimir S. Bibler). *Bulletin of Buryat State University, Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 45–53. DOI: [10.18101/1994-0866-2019-1-45-53](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-1-45-53) (In Russian)
20. Starovoytenko E. B. Productivity of the Dialogical Relationships I – Other. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 408–432. DOI: [10.17323/1813-8918-2017-3-408-432](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-408-432) (In Russian)

Информация об авторах

М. А. Петров, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет (Россия, 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А).

А. В. Голдаева, студент бакалавриата Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет (660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А).

Information about the authors

Mikhail A. Petrov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Chair of Philosophy of the Institute of Humanities, Siberian Federal University (Russia, 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82A)

Anna V. Goldaeva, undergraduate student of the Institute of Humanities, Siberian Federal University (Russia, 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82A)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the article for publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Поступила: 03.09.2021

Одобрена после рецензирования: 15.10.2021

Принята к публикации: 22.10.2021

Received: September 03, 2021

Approved after review: October 15, 2021

Accepted for publication: October 22, 2021